Мышки Грумми. Волшебный цветок Рассвета

Анна Ив

Анна Ив

Мышки Грумми. Волшебный цветок Рассвета

https://litres.ru/73043498
SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом уютном уголке старого леса живут маленькие мышки Грумми. Одной особенностью, вызывающей постоянные комические ситуации, является отсутствие у них хвостиков.

Жители деревни пытаются разными способами решить проблему отсутствующих хвостов. Например, талантливая изобретательница Лили создает "Хвостоусилитель", а ворчливый Фердинанд решает, что лучший способ обзавестись хвостом — прикрепить к себе ветку.

Приключения маленьких мышек Грумми, стремящихся обрести потерянные хвостики, раскрывают важность командной работы. Путешествие сопровождается веселыми ситуациями, важными жизненными уроками и юмором, доступным даже малышам.

Содержание

Глава первая. Как Корниш упал с лопуха, а Пип решил стать героем 4
Глава вторая. Как Лили нашла древний свиток 37
Глава третья. Как Лили отправилась к бабушке сове 45
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Анна Ив
Мышки Грумми. Волшебный цветок Рассвета

Глава первая. Как Корниш упал с лопуха, а Пип решил стать героем

Если вы когда-нибудь гуляли по старому дубовому лесу ранним утром, когда солнце только-только начинает пробиваться сквозь густую листву, а на траве ещё блестят крупные капли росы, вы могли бы заметить кое-что необычное. Впрочем, скорее всего, вы ничего не заметили бы, потому что жители этого леса были очень маленькими и очень осторожными. Они называли себя Грумми.

Ростом Грумми чуть больше крупной лесной земляники. Если поставить двух Грумми друг на друга, они едва-едва дотянулись бы до шляпки самого захудалого мухомора. Шёрстка у них была мягкая, серовато-коричневая, а мордочки — круглые и очень выразительные. Одевались Грумми просто,

но со вкусом. Мальчишки носили штанишки на одной лямке — вторая лямка вечно отрывалась во время лазания по деревьям или во время игр в догонялки. Девочки щеголяли в сарафанчиках, сшитых из лепестков фиалок и колокольчиков. А взрослые Грумми предпочитали практичные комбинезончики с множеством кармашков, куда можно было положить и кусочек сыра, и полезную палочку, и запасную пуговицу.

И всё бы в этом народце было хорошо и складно, если бы не одна удивительная особенность, которая отличала Грумми от всех прочих мышиных народов, живущих в лесах, полях и огородах. У Грумми совершенно не было хвостов.

Вы спросите: как же так? Ведь у всех порядочных мышей есть хвосты — длинные, гибкие, очень полезные в хозяйстве. Хвостом можно балансировать, когда бежишь по тонкой веточке. Хвостом можно обмахиваться в жаркий день. Хвостом, в конце концов, можно держаться, когда висишь вниз головой и пытаешься достать особенно аппетитную сырную крошку из труднодоступного места. А у Грумми ничего этого не было. Совсем.

Почему так вышло — никто толком не знал. Старики, когда их спрашивали, начинали долго чесать в затылке, хмурить брови и рассказывать разные истории. Дедушка Корниш, самый старый и уважаемый Грумми в деревне, обычно говорил так:

— В древние времена, когда деревья были выше, а сыр вкуснее, хвосты у нас были. Да ещё какие! Пушистые, длин-

ные, с кисточкой на конце. Но потом случилась одна неприятность...

Тут Корниш обычно делал многозначительную паузу, поправлял свои очки из кусочков прозрачной слюды, скреплённых тонкой паутинкой, и продолжал:

— Одни говорят, что это был злой колдун Ворон-Грабитель, который позавидовал нашей ловкости. Другие утверждают, что во всём виноват гигантский сырный жук, который перекусал нам хвосты во сне. А третьи вообще считают, что хвосты мы потеряли по собственной глупости, когда пытались измерить ими глубину колодца и случайно прищемили крышкой.

На этом месте Корниш обычно замолкал, потому что кто-нибудь из слушателей обязательно находил поблизости крошку голландского сыра, и все тут же отвлекались, забывая и про колдуна, и про жука, и про колодец. Сыр для Грумми был самой важной вещью на свете. Даже важнее хвостов.

Но хотя о хвостах вспоминали нечасто, их отсутствие постоянно давало о себе знать. Жизнь Грумми была полна неожиданных трудностей, а иногда и откровенных комических происшествий.

Взять, к примеру, того же дедушку Корниша. Он был не просто старым Грумми — он был настоящей живой легендой. Корниш помнил такие времена, о которых другие даже не слышали. Он знал, в каком дупле живёт самая старая сова, на какой поляне раньше всего поспевает земляника и

под каким пнём можно найти самые жирные личинки жуков (хотя сам он их не ел, считая это не вполне приличным для Грумми его положения). У Корниша была седая, чуть всклокоченная шёрстка, добрые морщинки вокруг глаз и маленькие круглые очки, которые постоянно сползали на кончик носа. Он всегда ходил с посохом — на самом деле это был кусочек старой вязальной спицы, потерянной кем-то из людей и подобранный Корнишом много лет назад. Спица была алюминиевая, слегка погнутая, но очень прочная. Корниш опирался на неё, когда ходил по неровной лесной тропинке, а также использовал как указку во время своих знаменитых проповедей.

Проповеди Корниша были известны всей деревне. Каждое утро, ровно в семь часов, когда первый солнечный луч пробивался сквозь листву старого дуба и падал на большой лист лопуха, растущий у самого ручья, Корниш выходил к народу. Он забирался на этот лист (что было непросто, учитывая его почтенный возраст), поправлял очки, откашливался и начинал говорить.

Темы его проповедей всегда были очень важными и поучительными. Например: «О вреде поедания сыра перед сном», или «Почему нельзя прятать крошки от соседей», или «Умеренность в поедании сырных корок в четверг». Жители деревни — и стар и млад — собирались вокруг лопуха, рассаживались на травинках и готовились слушать. Малыши обычно начинали вертеться уже через минуту, но взрослые

Грумми слушали внимательно, иногда даже кивали головами в знак согласия.

Но в то утро, с которого начинается наша история, случилось непредвиденное происшествие.

Ночь накануне была необычайно прохладной для середины лета. С реки потянуло туманом, и к утру всё вокруг покрылось толстым слоем росы. Травинки гнулись под тяжестью водяных капель, паутина между ветками блестела, как серебряное кружево, а лист лопуха, на котором обычно стоял Корниш, стал мокрым и невероятно скользким.

Корниш, как всегда, подошёл к лопуху ровно без пяти семь. Он был в своём любимом вязаном шарфе, от которого пахло старым сыром — этот запах молодые Грумми считали почти священным. В одной лапке он держал свою знаменитую спицу-посох, а в другой — маленькую записную книжечку из берёзовой коры, куда он записывал темы проповедей.

— Доброе утро, друзья мои, — сказал Корниш, обращаясь к собравшимся. — Сегодня я поведаю вам о величайшей опасности, которая подстерегает каждого Грумми. Я говорю о жадности при дележе сырной головки.

Толпа одобрительно загудела. Тема была животрепещущая — буквально вчера двое соседей, дядюшка Кряква и мастер Гвоздик, чуть не поссорились из-за того, кому достанется самая большая дырка в куске швейцарского сыра.

Корниш подошёл к стеблю лопуха. Обычно он ловко ка-

рабкался по нему, цепляясь за шероховатости коры, но сегодня стебель был мокрым и скользким. Корниш пыхтел, кряхтел, трижды чуть не соскользнул вниз, но в конце концов, проявив недюжинное упорство, взобрался на лист.

Лист лопуха был огромным — с хорошую тарелку. В сухую погоду стоять на нём было одно удовольствие: он слегка пружинил под лапками, как зелёный батут. Но сегодня лист блестел от влаги.

Корниш осторожно выпрямился, опираясь на спицу. Он поправил очки, которые тут же снова сползли на кончик носа, и откашлялся.

— Драгоценные мои соплеменники! — начал он зычным голосом, который совсем не вязался с его маленьким ростом. — Тема сегодняшней беседы — «Жадность при дележе сырной головки, и почему она приводит к печальным последствиям». Как говорили древние мудрецы: «Лучше маленький кусочек, съеденный с другом, чем большая головка, проглоченная в одиночку».

Малыши в первом ряду начали перешёптываться и ковырять землю прутиками. Корниш строго посмотрел на них поверх очков и взмахнул спицей для убедительности.

— Ибо сказано в старинных летописях... — продолжал он и сделал шаг вперёд.

И тут произошло то, чего никто не ожидал.

Левая лапка Корниша поехала по мокрому листу в одну сторону, правая — в другую. Спица, которой он попытался опереться, проткнула мокрую поверхность листа и застряла. Корниш покачнулся, взмахнул свободной лапкой, пытаясь ухватиться за воздух, но ухватиться было совершенно не за что. Хвоста, который мог бы помочь удержать равновесие,

у него не было.

— Ой-ёй-ёй! — только и успел выкрикнуть Корниш.

Со стороны это выглядело так, будто старичок исполняет какой-то замысловатый танец. Он наклонился вправо, потом влево, потом сделал неуклюжий пируэт, и в следующий момент его лапки окончательно разъехались. С громким шелестом, который эхом разнёсся по всей поляне, Корниш съехал по листу вниз, как с ледяной горки.

Он пролетел мимо стебля, кувыркнулся в воздухе и приземлился прямо в густую траву, росшую у подножия лопуха. Шляпа из желудя, которую он всегда носил в торжественных случаях, слетела с головы и покатилась по земле. Очки съехали набок и чудом не разбились.

Из травы тут же выскочили две божьи коровки, которые мирно дремали под широким листом подорожника. Они возмущённо затрещали крыльями, поднялись в воздух и улетели прочь, недовольно жужжа. Следом за ними из травы выпорхнула целая стайка каких-то мелких мошек, которые, видимо, тоже были недовольны внезапным вторжением.

Корниш сидел на земле, оглушённый, но не сломленный. Он медленно поправил очки, огляделся по сторонам и увидел свою шляпу, которая застряла в соседнем кустике клевера. Спица торчала из листа лопуха, как копьё, пронзившее зелёный щит.

Собравшиеся Грумми замерли в немом изумлении. Никто не знал, как реагировать. С одной стороны, уважаемый

старейшина только что совершил крайне неловкое падение. С другой стороны смеяться над Корнишом было как-то не принято. Малыши, впрочем, не смогли сдержаться и начали прыскать в кулачки. Взрослые Грумми деликатно отворачивались, делая вид, что разглядывают облака или изучают узоры на коре ближайшего дерева.

Корниш медленно поднялся на лапки, отряхнул с шёрстки прилипшие травинки и листочки, подобрал шляпу и водрузил её на голову. Затем он подошёл к лопуху, выдернул спицу из листа и повернулся к аудитории.

— Кхм, — произнёс он с таким достоинством, будто ничего особенного не произошло. — Как вы только что могли наблюдать, я наглядно продемонстрировал, что бывает с тем, кто теряет равновесие в самый неподходящий момент. А теряет равновесие тот, кто... кхм... не имеет надёжной опоры. Запомните это, друзья мои. Особенно когда делите сырную головку — стойте на твёрдой земле, а не на скользких листьях.

Он поправил шарф, который сбился набок, и добавил:

— На сегодня проповедь окончена. Расходитесь по домам и помните о жадности. Завтра поговорим о том, почему нельзя есть сыр в постели.

Грумми начали расходиться, оживлённо обсуждая случившееся. Кто-то сочувственно качал головой, кто-то хихикал, но большинство просто радовалось, что проповедь оказалась короче обычного. Один только Пип, внук Корниша,

смотрел на деда с нескрываемым восторгом. В его круглых глазах-бусинках горел огонь вдохновения.

Пип был самым непоседливым, самым шумным и самым неугомонным Грумми во всей деревне. Если где-то что-то гремело, падало, взрывалось или разваливалось на части то можно было не сомневаться: это проделки Пипа. Он был маленьким вихрем, сгустком энергии, который ни минуты не мог усидеть на месте.

Внешне Пип мало чем отличался от других юных Грумми. Такая же серовато-коричневая шёрстка, такие же круглые ушки, такой же любопытный нос. Но глаза у него были особенные они всегда блестели и в них постоянно горел огонёк какой-нибудь новой затеи. Пип был твёрдо убеждён, что мир ждёт от него великих подвигов, и он не имел права обмануть эти ожидания.

Отсутствие хвоста Пип воспринимал как личный вызов. «Раз у нас нет хвостов, — рассуждал он, значит, мы должны компенсировать это чем-то другим. Например, героическими поступками! Настоящий герой не нуждается в хвосте. Настоящему герою хвост только мешает ведь за него могут схватить враги!»

Жил Пип на самом краю деревни, в маленьком домике, устроенном под корнями старой ивы, которая росла у самого ручья. Место было прекрасное: вода журчала день и ночь, в жару можно было спрятаться в тени, а по утрам на траве

скапливалась такая роса, что в ней отражались облака. Другие Грумми переправлялись через ручей по старой упавшей ветке, которая давно скрипела и шаталась. Но Пипу этот способ казался скучным и недостойным настоящего героя. Настоящий герой не шагает по веткам, как обычный пешеход. Настоящий герой совершает нечто грандиозное!

И в то утро, после того как Корниш упал с лопуха, Пип возвращался домой в особенно задумчивом состоянии. Он шёл по тропинке, пинал попадавшиеся под лапки камешки и желудёвые шляпки, и размышлял.

«Дедушка говорит, что мы теряем равновесие, потому что у нас нет хвостов, — думал Пип. — Но разве дело в хвосте? Дело в храбрости! Если ты смелый, ты можешь устоять где угодно, хоть на кончике травинки! Вот я, например, смогу перелететь через ручей! Все увидят, какой я ловкий и смелый, и никто больше не будет вспоминать про глупые хвосты!»

Эта мысль так понравилась Пипу, что он даже подпрыгнул на месте. План начал складываться в его голове с невероятной быстротой.

«Нужны крылья, — размышлял он. — Птицы летают, потому что у них есть крылья. Бабочки летают, потому что у них есть крылья. Даже некоторые жуки летают, и у них тоже есть крылья. Значит, если я сделаю крылья, я тоже полечу! Что может служить крыльями? Листья! Большие, крепкие листья!»

Пип огляделся по сторонам. Его взгляд упал на грядку, где тётушка Белла выращивала капусту. Капустные листья были именно тем, что нужно — огромные, упругие, с толстыми прожилками. Они лежали на земле, раскинувшись в разные стороны, и выглядели так, будто только и ждали, чтобы кто-нибудь превратил их в летательный аппарат.

Не теряя ни минуты, Пип бросился к капустной грядке. Тётушки Беллы поблизости не было — она ушла к ручью полоскать бельё, о чём свидетельствовала пустая корзина, стоявшая у калитки. Пип выбрал два самых больших и красивых листа, которые росли с краю. Они были такие огромные, что каждый из них мог бы накрыть целую компанию Грумми, как зелёный шатёр.

Пыхтя и отдуваясь, Пип оторвал листья от кочерыжек. Это было непросто — капустные листья держались крепко, и Пипу пришлось изрядно повозиться, прежде чем они поддались. Затем он притащил их к своему домику под ивой и начал мастерить.

В качестве креплений Пип использовал тонкие, но прочные нити паутины, которые он собрал в заброшенном углу старого сарая. Паутины было много, и она отлично подходила для связывания. Пип привязал один лист к левому боку, другой — к правому, пропустив нити паутины через специальные дырочки, которые он проковырял в листьях острой сосновой иголкой. Получилось что-то вроде жилета с крыльями.

Чтобы конструкция держалась надёжнее, Пип обмотал нити паутины вокруг пояса и завязал их крепким узлом. Затем он отошёл на несколько шагов, чтобы оценить свою работу.

Крылья получились великолепные. Они были зелёные, с красивыми белыми прожилками, и слегка покачивались на ветру. Пип представил, как он взмывает в воздух, как все Грумми смотрят на него снизу и восхищённо ахают, как дедушка Корниш гордо поправляет очки и говорит: «Вот это мой внук! Настоящий герой!»

От этих мыслей Пипу стало так радостно, что он даже зажмурился от удовольствия.

Теперь нужно было выбрать место для полёта. Пип решил, что лучше всего подойдёт невысокий пригорок у ручья, с которого открывался отличный вид на воду. Пригорок был не очень высоким, всего-то с десяток Грумми, поставленных друг на друга, но для первого полёта этого было вполне достаточно. К тому же с пригорка открывался отличный вид, и все жители деревни могли наблюдать за историческим событием.

Пип поднялся на пригорок, осторожно ступая, чтобы не запутаться в собственных крыльях. Капустные листья были довольно громоздкими и цеплялись за травинки, но Пип мужественно преодолевал эти трудности. Наконец он добрался до вершины и огляделся.

Внизу блестела вода ручья. На другом берегу росли высо-

кие камыши, в которых квакали лягушки. Солнце поднялось уже довольно высоко и приятно пригревало шёрстку. День обещал быть замечательным.

Пип расправил крылья, насколько это было возможно, и глубоко вздохнул. Он чувствовал себя настоящим воздухоплавателем, покорителем небес, героем, о котором будут слагать легенды.

На шум собралась небольшая толпа. Первыми прибежали муравьи — они всегда всё замечали первыми и очень любили всякие происшествия. Муравьи выстроились в ряд на краю пригорка и принялись оживлённо шевелить усиками, обсуждая увиденное. Следом прилетели две мухи большие, зелёные. Они уселись на ближайшую травинку и принялись громко жужжать, выражая своё мнение о происходящем. Мнение это, судя по тону, было скептическим.

Потом подошли несколько молодых Грумми — сверстников Пипа. Они смотрели на него с любопытством и некоторой завистью. Ещё бы — никто из них не додумался сделать крылья из капустных листьев!

— Эй, Пип! — крикнул один из них, маленький Грумми по имени Шмыг. — Ты что это удумал? Летать собрался?

— Именно! — гордо ответил Пип, поправляя крылья. — Сейчас вы увидите первый в истории полёт Грумми через Большой Ручей! Запомните этот день!

— А ты не боишься упасть? — спросила Мила, самая рассудительная девочка в деревне. Она всегда задавала пра-

вильные вопросы, за что её не очень любили мальчишки.

— Настоящий герой ничего не боится! — отрезал Пип. — Кроме того, я всё продумал. Крылья поднимут меня в воздух, я плавно перелечу через ручей и приземлюсь на том берегу, как большая красивая бабочка!

Мухи зажужжали громче. Казалось, они смеются.

Пип нахмурился. Он не любил, когда в его способностях сомневались, особенно какие-то мухи. Он решил, что пора действовать.

— Внимание! — провозгласил он. — Аппарат «Тяжелее воздуха, но легче воды» идёт на взлёт! Смотрите все!

Пип разбежался, насколько позволяли громоздкие крылья. Бежать с капустными листьями, привязанными к бокам, было ужасно неудобно. Листья хлопали, цеплялись за траву, задевали друг друга. Пип споткнулся, чуть не упал, но чудом удержался на лапках и продолжил бег.

Добежав до края пригорка, он изо всех сил оттолкнулся лапками, подпрыгнул и взмахнул крыльями — то есть капустными листьями.

На одно короткое мгновение Пипу показалось, что у него получилось. Он действительно оторвался от земли и завис в воздухе. Ветер подхватил широкие листья, и Пип почувствовал себя птицей. Он даже успел радостно вскрикнуть.

Но в следующую секунду всё пошло не по плану.

Капустные листья, которые в теории должны были держать его в воздухе, на практике оказались совершенно не

приспособлены для полётов. Ветер, вместо того чтобы поднимать Пипа вверх, просто перевернул его вверх тормашками. Листья сложились, запутались в нитях паутины, и Пип, беспомощно размахивая лапками, полетел вниз.

Он летел недолго. С громким всплеском, который эхом разнёсся по всему ручью, Пип рухнул в воду. Брызги полетели во все стороны, напугав дремавших на берегу лягушек.

Вода оказалась холодной — гораздо холоднее, чем ожидал Пип. Он вынырнул на поверхность, отфыркиваясь и отплёвываясь. Капустные листья, намокнув, стали тяжёлыми и потянули его вниз. Пип отчаянно задрыгал лапками, пытаясь удержаться на плаву.

Плавать без хвоста было ужасно неудобно. Пипа всё время заносило то в одну сторону, то в другую, он крутился на месте, как щепка в водовороте, и никак не мог взять правильное направление. Берег был совсем близко, но добраться до него почему-то не получалось.

Мухи на берегу зажужжали ещё громче. Теперь уже не оставалось сомнений — они определённо смеялись. Муравьи, посовещавшись, решили, что это представление не стоит их времени, и организованно ушли обратно в муравейник. Молодые Грумми стояли на берегу и не знали, что делать, то ли бросаться на помощь, то ли продолжать наблюдать.

— Помогите! — закричал Пип, наглотавшись воды. — Я тону!

К счастью, на шум из кустов вышла тётушка Белла.

Тётушка Белла была самой крупной и самой доброй Грумми во всей деревне. Она была немного полновата, но это нисколько ей не мешало, а напротив, придавало солидности. У Беллы была мягкая серая шёрстка, которую она всегда содержала в идеальной чистоте, добрые глаза и лапки, которые никогда не знали покоя. Она вечно что-то делала: то стирала бельё в ручье, то сушила ягоды на солнце, то пекла свои знаменитые пирожки с сырной крошкой, то штопала чьи-нибудь штанишки.

Белла была известна тем, что никогда не проходила мимо чужой беды. Если кто-то падал, она помогала подняться. Если кто-то терялся, она находила. Если кто-то тонул, она вытаскивала. В деревне её в шутку называли «спасательницей утопающих», хотя сама Белла скромно говорила, что просто не любит, когда кто-то мокнет без толку.

И вот теперь она стояла на берегу, держа в одной лапке корзину с только что выполосканным бельём, и смотрела на барахтающегося в воде Пипа. На её мордочке отразилась целая гамма чувств: удивление, лёгкая досада и, конечно, беспокойство.

— Ох ты ж, батюшки! — всплеснула она свободной лапкой. — Пип! Ты что там делаешь? Решил стать рыбой?

— Я... буль-буль... тону! — прокричал Пип, снова уходя под воду.

Белла вздохнула, поставила корзину с бельём на траву, подоткнула подол сарафана и решительно вошла в воду. Ручей в этом месте был неглубоким — Белле вода доставала едва до пояса. Она спокойно дошла до Пипа, который уже почти выбился из сил, ухватила его за шиворот одной лапкой и, как пушинку, вытащила на берег.

Пип сидел на траве, дрожал, стучал зубами и выглядел очень жалко. С его шёрстки ручьями стекала вода. Капустные листья, превратившиеся в жалкие мокрые тряпочки, болтались на нитях паутины. Один лист вовсе оторвался, и уплыл по течению.

Белла отжала Пипа, как отжимают бельё после стирки, так что он даже пискнул. Затем она достала из корзины сухую тряпочку и принялась вытирать его шёрстку.

— Ну и что это было? — спросила она строго, но без настоящей злости. — Я тебя спрашиваю, Пип. Что это было?

— Это... это был испытательный полёт, — пробормотал Пип, всё ещё стуча зубами. — Я хотел перелететь через ручей. Как птица.

— Как птица, — повторила Белла, качая головой. — Птицы, знаешь ли, имеют крылья с рождения. И перья. И лёгкие кости. А у тебя что? Капустные листья и паутина. Ты бы ещё на зонтике полетел!

Пип шмыгнул носом. Идея с зонтиком показалась ему интересной, но он благоразумно промолчал.

— И потом, — продолжала Белла, вытирая ему уши, — даже если бы ты перелетел через ручей — что дальше? Ты бы стал героем? Герой не тот, кто летает на капустных листьях, а тот, кто помогает другим. Вот дедушка твой, Корниш, — он герой. Он всю жизнь учит нас мудрости. И я, может, тоже

немножко герой, потому что стираю всем бельё и пеку пирожки. А ты что делаешь? Только шумишь и падаешь в воду.

Пип насупился. Слова тётушки Беллы были обидными, но в глубине души он понимал, что она права. Он действительно только шумел и падал в воду. Но как же стать настоящим героем, если тебе даже через ручей не перелететь?

— Я больше не буду, — пробормотал он на всякий случай.

— Будешь, — вздохнула Белла. — Я тебя знаю. Ты уже через час придумаешь что-нибудь новое. Но постарайся, чтобы это новое не было связано с водой. А то я не напасусь сухих тряпочек.

Она закончила вытирать Пипа, поправила на нём промокшие штанишки и сказала:

— А теперь марш домой, сушиться как следует. И чтоб до вечера я тебя у ручья не видела!

Пип кивнул и поплёлся в сторону своего домика под ивой. Настроение было хуже некуда. Он чувствовал себя не героем, а мокрым, жалким неудачником. Мухи, провожая его, насмешливо жужжали. Даже солнце, казалось, светило как-то тускло.

Но по пути домой Пип заметил кое-что интересное.

В тени большого куста черники сидел сосед Фердинанд и занимался каким-то странным делом. Перед ним лежала куча всякого хлама: сухие веточки, пучки травы, кусочки коры, нитки паутины и комок липкой сосновой смолы. Сам Фердинанд, пыхтя и ворча себе под нос, пытался примотать к

своей спине длинную, изогнутую ветку, напоминавшую по форме хвост.

Пип забыл о своём поражении и подошёл поближе. Фердинанд был настолько поглощён своим занятием, что даже не заметил его.

— Ты чего делаешь? — спросил Пип, присаживаясь рядом.

Фердинанд вздрогнул от неожиданности и чуть не выронил ветку. Он поднял на Пипа свои вечно недовольные глаза и буркнул:

— Не видишь, что ли? Хвост делаю.

— Хвост? — переспросил Пип. — Зачем?

— Как это «зачем»? — возмутился Фердинанд. — Чтобы был! Надоело жить, как обрубок какой-то. Все нормальные существа имеют хвосты, а мы — нет. Это несправедливо! Вот я и решил: раз природа не дала, сделаю сам.

Фердинанд был самым унылым Грумми во всей деревне. Он ворчал по поводу всего на свете. Слишком ярко светит солнце — плохо. Слишком мокрая роса — плохо. Слишком много сырных крошек — тоже плохо, хотя такого почти не случалось. Его вечное недовольство стало притчей. Другие Грумми старались обходить Фердинанда стороной, чтобы не слушать его бесконечные жалобы.

Но Пипу было интересно. Он смотрел, как Фердинанд пытается закрепить ветку на спине с помощью ниток паутины и смолы. Ветка была длинная, кривая и совершенно не гну-

лась. Она торчала в разные стороны и явно мешала.

— А ты уверен, что это сработает? — осторожно спросил Пип.

— Конечно, уверен! — отрезал Фердинанд. — Я всё продумал. Вот смотри: я привязываю ветку вот здесь, и вот здесь, и ещё вот здесь. Получается конструкция, похожая хвост. С её помощью я смогу балансировать, как нормальные мыши. Может, даже научусь висеть вниз головой!

Он затянул последний узел, отряхнул лапки и попытался встать. Но как только он поднялся на задние лапки, тяжёлая ветка перевесила, и Фердинанд с грохотом рухнул на спину. Ветка при этом хрустнула, но не сломалась.

Фердинанд лежал на спине, беспомощно болтая лапками в воздухе. Ветка, привязанная к его спине, упиралась в землю и не давала перевернуться. Он был похож на перевёрнутого жука, который никак не может встать на ноги.

— Помоги! — прохрипел Фердинанд. — Я застрял!

Пип бросился на помощь. Он упёрся лапками в ветку, пытаясь приподнять её, чтобы Фердинанд мог перевернуться. Но ветка была слишком тяжёлой, а Пип — слишком маленьким. Вдвоём они провозились несколько минут, пока наконец Пип не догадался подсунуть под ветку камешек, создав рычаг. С помощью этого нехитрого приспособления им удалось приподнять ветку ровно настолько, чтобы Фердинанд смог выскользнуть из-под неё.

Фердинанд сел, тяжело дыша и потирая ушибленную спи-

ну. Ветка валялась рядом, нитки паутины порвались, смола размазалась по шёрстке.

— Ну вот, — мрачно сказал он. — Опять не получилось. Я так и знал. В этой жизни вообще ничего не получается.

— Может, не та ветка? — предположил Пип. — Нужно что-то полегче.

— Полегче? — фыркнул Фердинанд. — А толку от лёгкого хвоста? Хвост должен быть весомым! Таким, чтобы все видели и завидовали!

Он встал, отряхнулся и побрёл прочь, даже не попрощавшись. Пип смотрел ему вслед и думал, что Фердинанд, конечно, ворчун и зануда, но в чём-то он прав. Хвост действительно был бы полезен. С хвостом и плавать легче, и по веткам лазать, и равновесие держать. Может, и дедушка Корниш не падал бы с лопуха, если бы у него был хвост.

Пип вздохнул и пошёл домой. Дома он переоделся в сухое, повесил мокрые штанишки сушиться на веточку и сел на порог. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и оранжевые тона. В кустах застрекотали сверчки. Где-то вдалеке слышался голос дедушки Корниша, который давал кому-то наставления.

«Вот бы узнать, почему у нас нет хвостов, — думал Пип. — Может, тогда можно было бы их вернуть? И не пришлось бы привязывать ветки или летать на капустных листьях. У всех были бы нормальные хвосты, как у порядочных мышей».

Он ещё немного посидел, помечтал, а потом пошёл спать. Ему снилось, что он летит над ручьём, но не на капустных листьях, а на собственном длинном пушистом хвосте, который работает как пропеллер.

На следующее утро деревня Грумми проснулась как обычно. Солнце поднялось над лесом, разогнало остатки ночного тумана и залило всё вокруг тёплым золотистым светом. Птицы пели, пчёлы жужжали, где-то вдалеке стучал дятел. День обещал быть хорошим.

Дедушка Корниш, наученный горьким опытом, сегодня не стал забираться на мокрый лопух. Вместо этого он выбрал сухой плоский камень у ручья, с которого было удобно говорить. Проповедь прошла успешно, и Корниш даже ни разу не поскользнулся.

Пип, помня обещание, данное тётушке Белле, не пошёл к ручью. Вместо этого он отправился на другой конец деревни, где находилась мастерская Лили.

Лили была самой умной Грумми во всей деревне, а может быть, и во всём лесу. Она жила в маленьком домике, устроенном под шляпкой огромного мухомора. Домик был полон всяких удивительных вещей: тут и там валялись шестерёнки, пружинки, кусочки проволоки, колёсики, винтики и прочие детали, происхождение которых было известно только самой Лили. На стенах висели чертежи и схемы, исписанные непонятными значками. В углу стоял верстак, на котором всегда

что-то мастерилось, разбиралось или собиралось.

Лили была невысокой, но очень энергичной Грумми с умными, живыми глазами и вечно взъерошенной шёрсткой, потому что она постоянно забывала причесаться. Она носила рабочий фартучек с множеством кармашков, в которых лежали инструменты: крошечная отвёртка, пинцет, лупа и моток тонкой медной проволоки.

В отличие от большинства Грумми, Лили совсем не переживала из-за отсутствия хвоста. Напротив, она считала, что это отличный повод для изобретательства. «Раз у нас нет хвостов, — говорила она, — значит, мы должны придумать что-то, что заменит их. Техника должна служить прогрессу!»

Когда Пип заглянул в мастерскую, Лили как раз заканчивала работу над каким-то новым устройством. Оно состояло из маленького пропеллера, прикреплённого к изогнутой металлической пластине, от которой тянулись ремешки. Вся конструкция напоминала странный рюкзачок.

— О, Пип! — обрадовалась Лили, увидев гостя. — Ты как раз вовремя! Мне нужен испытатель для моего нового изобретения.

— А что это? — спросил Пип, с опаской глядя на пропеллер.

— Это «Хвостоусилитель», модель первая! — с гордостью объявила Лили. — Принцип работы прост: ты надеваешь это на спину, затягиваешь ремешки, и когда бежишь, пропеллер

начинает вращаться от встречного потока воздуха. Он создаёт дополнительную устойчивость и компенсирует отсутствие хвоста! Это революционное изобретение!

Пип с сомнением посмотрел на устройство. Пропеллер был сделан из двух сухих кленовых семян-вертолётиков, скреплённых капелькой смолы. Выглядело это хрупко.

— А ты сама пробовала? — спросил Пип.

— Я? — Лили на секунду замялась. — Ну... я провела теоретические расчёты. И моделирование. В уме. Теоретически всё должно работать идеально!

— А на практике?

— На практике я пока не пробовала, — призналась Лили. — Мне нужен был смелый доброволец. И вот ты пришёл! Судьба!

Пип задумался. С одной стороны, лезть в непроверенное изобретение Лили было рискованно. В прошлый раз, когда она испытывала «автоматическую сырорезку», половина деревни осталась без завтрака, потому что сыр разлетелся по всем кустам. С другой стороны, это был шанс снова попробовать стать героем. Может быть, с «Хвостоусилителем» у него получится то, что не получилось с капустными листьями?

— Ладно, — сказал Пип. — Давай попробуем.

Лили радостно захлопала в ладоши и принялась прилаживать устройство к спине Пипа. Она затянула ремешки, проверила, хорошо ли крутится пропеллер, и отошла на шаг,

чтобы полюбоваться своей работой.

— Отлично! — сказала она. — Теперь беги! Беги быстро, чтобы пропеллер набрал обороты!

Пип глубоко вздохнул и побежал. Сначала ничего не происходило — он просто бежал по тропинке, чувствуя за спиной тяжесть устройства. Но потом, когда он разогнался посильнее, пропеллер начал вращаться. Сначала медленно, потом всё быстрее и быстрее. Раздалось характерное жужжание — «вжжж-вжжж-вжжж».

— Работает! — закричала Лили. — Я же говорила! Беги быстрее!

Пип прибавил скорость. Пропеллер зажужжал громче. И тут Пип почувствовал, что его действительно стало меньше заносить в стороны. Бежать стало легче, ровнее. Он даже смог сделать небольшой поворот, не теряя равновесия!

— Получается! — крикнул он на бегу. — Лили, получается!

Но радость была недолгой. Пропеллер, вращаясь всё быстрее, создавал не только устойчивость, но и довольно сильный поток воздуха назад. Этот поток поднимал с земли пыль, сухие травинки и мелкие камешки. Пип бежал, а за ним летело целое облако мусора.

Этого Пип не учёл. Он пробегал мимо дома старого Грумми по имени Муррик, который мирно дремал на скамеечке у входа. Вихрь, поднятый пропеллером, сорвал с Муррика шляпу и унёс её в кусты. Муррик проснулся, заморгал и

непонимающе уставился вслед убегающему Пипу.

Дальше — больше. Пип пробежал мимо грядки, на которой тётушка Белла сушила на солнце ягоды. Поток воздуха сдул половину ягод с листьев, и они покатились по земле. Белла, которая в этот момент как раз выходила из дома с новой порцией ягод, только ахнула.

А Пип всё бежал. Он уже не мог остановиться — пропеллер набрал такие обороты, что, казалось, вот-вот оторвётся и улетит вместе с Пипом. Пип попытался затормозить, но не тут-то было. Устройство тянуло его вперёд.

Впереди показался заборчик, за которым жил Фердинанд. Пип изо всех сил попытался свернуть, но пропеллер не давал. Он нёс Пипа прямо на заборчик. Пип зажмурился, приготовившись к удару.

Раздался треск. Это пропеллер, зацепившись за верхнюю жёрдочку заборчика, разлетелся на куски. Кленовые семена-вертолётики разлетелись в разные стороны. Пип, освободившись от тяги, кубарем покатился по земле и остановился, уткнувшись носом в чей-то ботинок.

Ботинок принадлежал Фердинанду, который вышел на шум. Он смотрел на Пипа сверху вниз с выражением глубокой укоризны.

— Ну и что это было? — спросил Фердинанд. — Решил устроить ураган в отдельно взятой деревне?

Пип сел, потирая ушибленный нос. Ремешки «Хвостоусилителя» болтались на нём жалкими обрывками. Пропеллера больше не существовало.

— Испытания прошли... не совсем удачно, — пробормотал он.

— Не совсем удачно? — переспросил Фердинанд. — Ты снёс половину ягод Беллы, напугал Муррика до полусмерти и разнёс мой забор. По-моему, это очень даже удачно. Для вражеской диверсии.

Тут подбежала запыхавшаяся Лили. Она увидела остатки своего изобретения и огорчённо всплеснула лапками.

— Ой! Пропеллер сломался... —сказала она расстроенно. — Но он же работал! Вы видели? Он работал!

— Работал, — согласился Пип. — Только слишком хорошо работал.

— Значит, нужно просто отрегулировать мощность, — тут же загорелась Лили. — Поставить ограничитель оборотов. И, может быть, защитный мешок, чтобы не поднимать пыль. И...

— Лили, — перебил её Фердинанд, — может, ты лучше изобретёшь что-нибудь полезное? Например, машину

для уборки ягод, которые твой испытатель разметал по всей округе?

Лили задумалась. Глаза её заблестели.

— Машина для уборки ягод... — пробормотала она. — А что? Это идея! Нужен захватывающий механизм и сортировочный бункер...

И она, забыв про сломанный пропеллер, побежала обратно в мастерскую, на ходу что-то чертя лапкой в воздухе.

Пип и Фердинанд остались вдвоём. Фердинанд вздохнул, посмотрел на сломанный забор и покачал головой.

— Вот так всегда, — сказал он. — Одни что-то изобретают, другие что-то ломают, а третьи страдают. Я, например. Мой забор.

— Я починю, — пообещал Пип. — Честное слово.

— Починит он, — проворчал Фердинанд, но уже без прежней злости. — Ладно, иди. Только не беги. Иди медленно и ни к чему не прикасайся. И вообще, дыши через раз.

Пип поплёлся домой, размышляя о том, как непросто быть героем. Он уже попробовал летать — упал в воду. Попробовал бегать с пропеллером — разнёс полдеревни. Что же ещё попробовать? Может, и правда, героизм — это не трюки, а что-то другое?

Но в глубине души Пип чувствовал, что его главное приключение ещё впереди. И что оно будет связано не с капустными листьями и не с пропеллерами, а с чем-то гораздо более важным. С тайной пропавших хвостов, о которой никто

в деревне толком ничего не знал, но которая ждала своего часа, чтобы быть раскрытой.

А час этот был уже близок, потому что в то самое время, когда Пип брёл домой, Лили в своей мастерской наткнулась на кое-что интересное. Разбирая старый сундук, доставшийся ей от прапрадедушки, она обнаружила пожелтевший свиток берёзовой коры, исписанный какими-то древними знаками. Лили, которая умела читать старинное письмо, вгляделась в первые строки, и глаза её расширились от удивления.

— Вот это да... — прошептала она. — Так вот почему у нас нет хвостов!

Глава вторая. Как Лили нашла древний свиток

Лили была не просто умной Грумми — она была, пожалуй, самой умной Грумми во всём лесу, а может быть, даже и за его пределами. Но, как это часто бывает с очень умными существами, в её доме царил невероятный беспорядок. Впрочем, сама Лили называла это не беспорядком, а «творческим рабочим пространством».

Домик Лили находился под шляпкой огромного мухомора, который рос на краю деревни, у самой опушки леса. Мухомор был старый, с ярко-красной шляпкой в белых крапинках, и такой большой, что под ним свободно помещался не только домик, но и небольшая мастерская, и даже крошечный огородик, где Лили выращивала особые травы для своих изобретений.

Внутри домика было тесно, но уютно. Повсюду стояли, лежали и висели самые разнообразные предметы. На полках громоздились банки с засушенными жуками, пучки трав, мотки ниток, обрезки коры, камешки необычной формы и прочие полезные вещи. На рабочем столе, сколоченном из кусочков сосновой коры, высилась гора чертежей, испещрённых загадочными значками и пометками, понятными толь-

ко самой Лили. Тут же валялись инструменты: крошечный молоточек из шляпки желудя, пилка из заточенной рыбьей косточки, отвёртка из сосновой иголки и множество других хитроумных приспособлений.

В углу мастерской стоял большой сундук, окованный полосками берёзовой коры. Этот сундук достался Лили от её прапрадедушки, знаменитого изобретателя и путешественника по имени Мудролап. Говорили, что Мудролап когда-то обошёл весь лес вдоль и поперёк, побывал в самых дальних его уголках и даже поднимался на Гору Туманов, о которой ходило столько легенд.

Сундук долгое время стоял нетронутым. Лили было некогда в нём копаться — у неё всегда находились дела поважнее: то сконструировать автоматическую тёрку для сыра, то починить водяную мельницу у ручья, то помочь соседям с починкой крыши. Но в тот день, после неудачного испытания «Хвостоусилителя», Лили вернулась в мастерскую в задумчивости.

«Что-то не так с моими изобретениями, — размышляла она, рассеянно перебирая бумаги на столе. Пропеллер работал, но его мощность оказалась слишком большой. Капустные крылья Пипа вообще не работали. Фердинанд пытался привязать ветку — тоже бесполезно. Может быть, проблема не в конструкции? Может быть, мы просто неправильно подходим к вопросу?»

Она села на маленький стульчик, сделанный из половинки скорлупы лесного ореха, и задумалась ещё больше. Её взгляд блуждал по мастерской, пока не упёрся в старый сундук прапрадедушки.

«Мудролап был великим изобретателем, — подумала Ли-

ли. — Он наверняка сталкивался с теми же проблемами, что и мы. Может быть, в его записях есть что-то полезное?»

Лили решительно подошла к сундуку. Он был покрыт толстым слоем пыли, потому что его не открывали уже много лет. Лили сдула пыль (отчего тут же расчихалась), откинула тяжёлую крышку и заглянула внутрь.

В сундуке лежали самые разные вещи. Старые, пожелтевшие от времени свитки берёзовой коры, перевязанные травинками. Несколько странных инструментов, назначение которых было непонятно. Маленький компас, сделанный из намагниченной иголки, плавающей в капельке воды на кусочке листа. И ещё много всякой всячины, которая, вероятно, была очень ценной, но совершенно загадочной.

Лили начала осторожно перебирать содержимое сундука. Она развязывала свитки, вглядывалась в старинные письмена, но ничего особенно интересного не находила. В основном это были заметки о погоде, рецепты травяных настоек и чертежи давно забытых устройств.

Но вот, на самом дне сундука, под ворохом старых тряпочек, Лили нащупала что-то твёрдое и гладкое. Она вытащила это на свет и ахнула.

Это был свиток, но не простой, а из очень тонкой, почти прозрачной бересты, аккуратно свёрнутый в трубочку и перевязанный шёлковой ниткой, которая удивительно хорошо сохранилась. На внешней стороне свитка был выдавлен странный знак — что-то вроде цветка с множеством лепест-

ков, расходящихся от центра, как лучи солнца.

Лили осторожно развязала нитку и развернула свиток. Письмена на нём были очень старыми, выведенными каким-то острым предметом, возможно, рыбьей косточкой. Некоторые знаки почти стёрлись от времени, но в целом текст был читаем.

Лили, которая с детства училась читать старинные письмена у дедушки Корниша, вгляделась в первые строки. И чем дальше она читала, тем шире раскрывались её глаза.

В свитке говорилось вот что:

«Во времена, когда трава была зеленее, а вода в ручьях слаще мёда, народ Эр - Грумми жил в мире и достатке. И были у них хвосты длинные, пушистые, с кисточками на концах. Хвосты служили Эр - Грумми верой и правдой: помогали лазать по деревьям, держать равновесие на тонких веточках, плавать в быстрых ручьях и даже общаться друг с другом, подавая тайные знаки.

Но случилась беда. В лесу появился злой колдун по имени Ворон-Грабитель. Он был огромным, чёрным, с блестящими глазами и острым клювом. Ворон завидовал ловкости и проворству Эр - Грумми. Он много раз пытался поймать кого-нибудь из них, чтобы съесть, но Эр - Грумми всегда ускользали благодаря своим хвостам.

Разгневанный Ворон решил отомстить. В тёмную, безлунную ночь он пробрался в деревню Эр - Грумми и наложил на них страшное заклятие. С первыми лучами солнца Эр -

Грумми проснулись и обнаружили, что их хвосты исчезли. Не отвалились, не отсохли, а просто исчезли, будто их никогда и не было.

Ворон-Грабитель улетел, злорадно каркая, а Эр - Грумми остались без своей главной защиты и гордости. Многие пытались найти способ вернуть хвосты, но все попытки были тщетны. Колдовство Ворона было слишком сильным.

Однако древние мудрецы говорили, что есть одно средство. Где-то далеко, на вершине Горы Туманов, растёт Волшебный Цветок Рассвета. Он расцветает лишь раз в сто лет, на рассвете, когда первые лучи солнца касаются горных вершин. Тот, кто добудет лепесток этого цветка и прикоснётся к нему с чистым сердцем, сможет снять любое заклятие и вернуть утраченное.

Но путь на Гору Туманов труден и опасен. Его охраняют страшные звери, коварные ловушки и сам Страж Вершин. Многие отправлялись на поиски Цветка, но никто ещё не вернулся...

Я, Мудролап, пишу эти строки в назидание потомкам. Я пытался найти Цветок Рассвета, но не смог подняться на Гору. Ноги мои ослабли, глаза затуманились. Но я верю, что однажды кто-то из моих потомков завершит начатое и вернёт Эр - Грумми их законное достояние. Да пребудет с вами мудрость предков!»

Лили дочитала и ещё долго сидела неподвижно, глядя на свиток. В голове у неё роились мысли, одна удивительнее

другой.

«Так вот почему у нас нет хвостов! — думала она. — Это не просто случайность, не ошибка природы. Это настоящее колдовство! И есть способ его снять! Нужно только найти Волшебный Цветок Рассвета!»

Лили аккуратно свернула свиток, спрятала его в кармашек фартука и выбежала из мастерской. Новость была слишком важной, чтобы держать её при себе. Нужно было немедленно рассказать всё дедушке Корнишу и остальным Грумми.

Лили бежала по деревне, перепрыгивая через травинки и уворачиваясь от муравьёв, которые деловито сновали туда-сюда по своим муравьиным делам. Она так спешила, что чуть не сбила с ног тётушку Беллу, которая несла корзину со свежевыстиранным бельём.

— Лили! — окликнула её Белла. — Ты куда так несёшься? Опять какое-нибудь изобретение взорвалось?

— Нет, тётушка Белла! — крикнула Лили на бегу. — Я нашла кое-что очень важное!

Белла только покачала головой и пошла дальше. Она привыкла к тому, что в деревне постоянно что-то происходит, и уже ничему не удивлялась.

Лили добежала до центральной площади деревни — небольшой утоптанной полянки, на которой обычно проходили все важные собрания. Посередине полянки рос старый пень, служивший трибуной для выступающих. Рядом с пнём

стояла скамеечка, на которой в тени отдыхал дедушка Корниш.

Корниш сидел, прикрыв глаза, и, казалось, дремал. Но Лили знала, что он никогда не спит по-настоящему — он просто размышляет. Услышав торопливые шаги, Корниш приоткрыл один глаз.

— А, Лили, — сказал он спокойно. — Что-то случилось? Ты выглядишь так, будто увидела летающую корову.

— Дедушка Корниш! — выпалила Лили, запыхавшись. — Я нашла свиток! Старинный свиток! В сундуке моего прапрадедушки Мудролапа! Там написано, почему у нас нет хвостов! И как их вернуть!

Корниш открыл второй глаз и сел прямее. Новость явно его заинтересовала.

— Свиток, говоришь? — переспросил он. — Мудролапа? Это очень интересно. Мудролап был великим Грумми. Я слышал о нём от своего деда. Ну-ка, покажи, что ты нашла.

Лили достала из кармашка свиток и бережно протянула Корнишу. Тот надел очки (которые, как всегда, тут же сползли на кончик носа), развернул бересту и принялся читать, шевеля губами.

- Лили! Давай пока не рассказывать никому о твоей находке. Подождём и подумаем!

Глава третья. Как Лили отправилась к бабушке сове

После того как Лили нашла старинный свиток в сундуке прапрадедушки Мудролапа, она несколько дней ходила сама не своя. С одной стороны, она была ужасно рада — ещё бы, такое открытие! Тайна пропавших хвостов наконец-то раскрыта! Но, с другой стороны, чем больше она перечитывала свиток, тем больше у неё возникало вопросов.

В свитке было сказано, что Волшебный Цветок Рассвета растёт на вершине Горы Туманов. Но где именно находится эта гора? Как до неё добраться? Какие опасности ждут в пути? И что значит загадочная фраза про «чистое сердце»? Мудролап, конечно, был великим Грумми, но подробных инструкций он не оставил.

Лили понимала: прежде чем собирать отряд и отправляться в опасное путешествие, нужно разузнать как можно больше. Но у кого спросить? Кто в лесу может знать древние тайны?

И тут её осенило.

— Бабушка Сова! — воскликнула Лили, да так громко, что сидевший на подоконнике жучок-древоточец испуганно спрыгнул и убежал в щель.

Ну конечно! Бабушка Сова была самым старым и мудрым существом во всём лесу. Говорили, что она живёт уже не одну сотню лет и знает всё обо всём. Она помнила времена, когда деревья были маленькими, а ручьи текли в другую сторону. Если кто и мог рассказать о Горе Туманов и Волшебном Цветке, так это она.

Правда, была одна проблема. Бабушка Сова жила далеко — в самой чаще Тёмного Леса, в огромном дупле старого дуба. Путь туда был неблизким и опасным. Обычные Грумми туда не ходили — боялись. Рассказывали, что в тех краях водятся дикие звери, хитрые лисы и даже, страшно сказать, барсуки, которые отбирают у путников еду.

Но Лили была не из робких. Она решила, что раз свиток нашла она, то и узнать подробности — её задача. Она соберёт всё необходимое и отправится к Бабушке Сове одна.

Утром следующего дня Лили встала пораньше, когда солнце ещё только выглядывало из-за верхушек деревьев. Она надела свой самый прочный фартучек с множеством кармашков, в которые рассовала разные полезные вещи: моток прочной паутины, маленькую пилку, кусочек смолы, лупу и, конечно, свиток Мудролапа. В маленький рюкзачок она положила немного еды: сушёные ягоды, кусочек сыра и лепёшку из цветочной пыльцы. И, разумеется, захватила с собой несколько своих изобретений — на всякий случай.

Она взяла «дымовую шашку» (на самом деле это был просто мешочек с сушёной ромашкой, которая вызывала силь-

ное чихание), маленькую катапульту для шишек и пару башмачков на пружинках, чтобы можно было высоко подпрыгивать.

— Ну вот, — сказала Лили, оглядывая себя. — К бою и к походу готова.

Она вышла из мастерской и направилась к тропинке, ведущей в глубь леса. В конце деревни ей встретился Пип, который, как всегда, куда-то бежал с деловым видом.

— Лили! — окликнул он её. — Ты куда это собралась? На тебе столько всего навешано, будто ты на войну идёшь!

— Я иду к Бабушке Сове, — ответила Лили. — Узнать побольше о Цветке Рассвета и о Горе Туманов.

Пип тут же загорелся:

— Я с тобой! Это же настоящее приключение!

— Нет, Пип, — твёрдо сказала Лили. — Я пойду одна. Путь опасный, и я не хочу никого подвергать риску. К тому же, если со мной что-то случится, кто-то должен остаться в деревне и рассказать остальным то, что я уже узнала.

Пип насупился, но спорить не стал. Он знал, что, если Лили что-то решила, переубедить её практически невозможно.

— Ладно, — вздохнул он. — Но будь осторожна. И возвращайся быстрее. Без тебя скучно.

Лили улыбнулась, потрепала Пипа по голове и зашагала по тропинке в лес.

Тёмный Лес и впрямь оправдывал своё название. Чем

дальше Лили уходила от деревни, тем гуще становились деревья, тем меньше света пробивалось сквозь листву. Тропинка становилась всё уже и уже, пока не превратилась в едва заметную ниточку, петляющую между огромными корнями.

Лили шла осторожно, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь к каждому шороху. Вокруг стояла странная, непривычная тишина. Птицы здесь не пели, только где-то далеко, в самой глубине леса, время от времени раздавался странный звук — не то уханье, не то стон.

«Ничего, — подбадривала себя Лили. — Я справлюсь. Я же изобретательница. У меня есть план на любой случай».

Она шла уже около часа, когда тропинка вывела её на небольшую поляну. Посередине поляны стоял огромный старый пень, а вокруг него, на брёвнышках и камнях, сидели... барсуки.

Лили замерла. О барсуках в деревне ходили самые нехорошие слухи. Говорили, что они устроили в лесу настоящий разбойничий притон: останавливают путников, отбирают у них еду и ценные вещи, а тех, кто сопротивляется, запугивают или просто прогоняют обратно. Барсуков этих так и называли — рэкетиры.

Их было четверо. Самый крупный, с шрамом на носу и в старом, поношенном жилете, восседал на пне, как на троне. Это, судя по всему, был главарь. Рядом с ним сидел барсук поменьше, но с очень грозными клыками, которые он то и дело скалил. Третий был толстым и неповоротливым, он что-

то жевал и постоянно чавкал. А четвёртый барсук, вернее барсучиха, в очках и с толстой книгой в лапах, что-то записывала в книгу гусиным пером.

Лили хотела тихонько обойти поляну, но не успела сделать и двух шагов, как барсук с клыками её заметил.

— Эй, Бурый Борис! — крикнул он. — Глянь-ка, кто к нам пожаловал! Мышка! Да ещё какая-то навьюченная, как караван!

Главарь, тот самый Бурый Борис, лениво повернул голову и уставился на Лили маленькими, но очень внимательными глазками.

— И правда, мышка, — протянул он. — И не простая, судя по всему. Ишь, сколько на ней всякой всячины навешано. Ну-ка, Мадам Риска, запиши в нашу книгу: сегодня у нас гостья. Плата за проход по нашей территории — всё, что у неё есть.

Барсучиха в очках, которую звали Мадам Риска, поправила очки и раскрыла свою толстую книгу.

— Плата за проход, — повторила она скрипучим голосом. — Стандартный тариф: все ягоды, весь сыр, все ценные предметы. И пирожки, если имеются.

Лили поняла, что убежать не получится — барсуки были гораздо крупнее и быстрее. Нужно было придумать что-то другое.

— Уважаемые барсуки, — начала она, стараясь говорить спокойно и уверенно, хотя внутри у неё всё дрожало. — Я

простая путешественница. У меня нет ничего ценного. Только немного еды, чтобы не умереть с голоду в дороге.

— А это мы сейчас проверим, — оскалился Клыкастый (которого, как позже выяснилось, звали Борька-Клык). — Толстопуз, обыщи её!

Толстый барсук, не переставая жевать, поднялся и направился к Лили. Он был такой огромный и неповоротливый, что земля под ним слегка подрагивала.

И тут Лили вспомнила про свою «дымовую шашку». Она незаметно сунула лапку в кармашек и нащупала мешочек с сушёной ромашкой.

— Подождите! — воскликнула она. — Прежде чем вы меня обыщете, позвольте сделать вам небольшой подарок. В знак уважения к таким солидным и уважаемым зверям.

Барсуки переглянулись. Слово «подарок» им явно понравилось.

— Подарок? — переспросил Бурый Борис. — Ну-ка, покажи.

Лили вытащила мешочек и развязала его.

— Это особое зелье, — сказала она. — Оно делает шерсть необычайно пушистой и блестящей. Все модницы в лесу за ним охотятся. Хотите попробовать?

Мадам Риска тут же оживилась. Она подалась вперёд.

— Пушистая шерсть? — заинтересованно переспросила она. — Дайте-ка взглянуть.

Лили, недолго думая, подбросила мешочек в воздух. Сухая ромашка рассыпалась облаком пыли, которая тут же окутала барсуков.

И тут началось.

Борька-Клык чихнул первым. Да так громко, что с ближайшего дерева сорвалась стайка птиц. Следом за ним чихнул Толстопуз, да так, что чуть не подавился тем, что жевал. Мадам Риска чихнула прямо в свою книгу, и страницы разлетелись в разные стороны. А Бурый Борис чихнул так, что свалился со своего пня-трона.

Барсуки чихали, кашляли, тёрли глаза и совершенно потеряли контроль над ситуацией. Они сталкивались друг с другом, падали, снова чихали и никак не могли остановиться.

Лили не стала дожидаться, пока действие ромашки закончится. Она ловко проскользнула мимо чихающих барсуков, обогнула пень и со всех ног бросилась в лес.

Она бежала, не разбирая дороги, пока шум и чихание не

стихли вдалеке. Только тогда она остановилась, чтобы перевести дух.

— Уф, — выдохнула Лили, прислонившись к стволу старой берёзы. — Пронесло. Хорошо, что я догадалась взять ромашку. Бедные барсуки, они теперь ещё долго будут чихать.

Она поправила рюкзачок, проверила, всё ли на месте, и двинулась дальше.

Лили, пыхтя и охая, пробиралась сквозь густую траву. Вдруг, прямо на тропинке, она увидела двух лисиц. Те уселись на пеньке, нарядно разодетые в разноцветные платки и очки с золотой оправой.

– Здравствуй, милая мышка! – защебетала одна лисица, поправляя очки. – Мы – гадалки-предсказательницы, знаем все на свете! Можем рассказать о твоей судьбе, о будущем!

Лили замерла, разинув рот. Она слышала о лисицах, но никогда их не видела так близко.

– И что, правда, все знаете? – робко спросила Лили.

– Абсолютно все! – самодовольно ответила другая лисица, протягивая к мышке лапу. – Давай, дай нам свою лапку, и мы сразу увидим твое будущее!

Лили, хоть и робкая, но не глупая, быстро смекнула: не к добру это. "Сейчас ухватят и съедят!" - промелькнуло у

нее в голове. Она дернула носиком и со всех ног бросилась бежать. Лисицы, опешив от такой дерзости, только и успели проводить её голодными взглядами.

Легенды о лисах-оборотнях, способных предсказывать будущее, уходят корнями в глубокую древность. Говорят, что эти существа – потомки древних духов природы, чья связь с миром людей со временем усилилась. Согласно преданиям, родились они в таинственных местах силы – в густых, непроходимых лесах, на вершинах гор, окутанных облаками, или у древних курганов, помнящих шепот веков. В этих местах лисы впитывали энергию земли и космоса, обретая мудрость и проницательность

Существует поверье, что обычная лиса, прожившая достаточно долго и накопившая определенный запас мудрости, может стать лисой-оборотнем. Для этого животное должно пройти через ряд испытаний, доказать свою преданность тайнам природы и готовность служить посредником между миром людей и духов. Говорят, что после этого лису наделяют даром предвидения сами древние духи, открывая ей завесу будущего.

Лисы-гадалки – существа двоякой природы. С одной стороны, они сохраняют животную грацию и инстинкты, с другой – обладают разумом и знаниями, превосходящими человеческие. Их предсказания точны, но часто завуалированы, требуют расшифровки. Лисы-гадалки предпочитают общаться с избранными, с теми, кто обладает открытым серд-

цем и чистыми помыслами.

Многие считают, что лисы-гадалки – стражи древних знаний, хранители забытых истин. Они помогают тем, кто искренне стремится к познанию и готов изменить свою жизнь в соответствии с полученными знаниями. Однако, если человек обращается к ним с корыстными целями или пытается обмануть, лисы-гадалки могут наказать его, направив его по ложному пути.

Лес становился всё темнее и загадочнее. Деревья здесь росли такие старые и огромные, что их кроны полностью закрывали небо. Внизу царил зеленоватый полумрак, и Лили приходилось внимательно смотреть под лапки, чтобы не споткнуться о корни.

Она шла уже довольно долго, когда тропинка привела её к странному месту. Это был узкий проход между двумя высокими скалами, поросшими мхом. Проход уходил в темноту, и оттуда веяло холодом и сыростью.

Лили остановилась в нерешительности. Обходить скалы было бы слишком долго — пришлось бы делать огромный крюк. А идти напрямик, через этот тёмный проход, было страшновато.

Она уже хотела было повернуть обратно и поискать другой путь, как вдруг услышала странный звук. Из глубины прохода донёсся голос — тихий, шелестящий, похожий на шёпот ветра в листве.

— Ли-ли-ли... — шептал голос. — Иди-иди-иди... Не бо-бо-бойся...

Лили вздрогнула. Она знала, что это такое. Дедушка Корниш рассказывал ей о Пещере Эха. Говорили, что в этой пещере живут не духи и не призраки, а само Эхо. Оно подхватывает любые звуки и возвращает их обратно, но искажёнными, изменёнными, иногда пугающими. Многие путники, попав в Пещеру Эха, пугались собственного голоса, теряли дорогу и бродили в темноте, пока не выбивались из сил.

— Ну уж нет, — сказала себе Лили. — Я не боюсь какого-то там Эха. Я изобретательница. Я найду способ пройти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.